

некоторой дистанции: непосредственно в тексте он почти не присутствует, но фоновый обобщённый образ его по умолчанию находится в сознании читателя. История рыси характерна тем, что зверю изначально приданы автором этически достойные черты, и читатель воспринимает это как должное. Стремление к добру и благородству для человека первично, хотя в подобной программе либеральный собеседник обнаружит и неполноту личности, и нарочитость установок. Однако почему-то в частной жизни предпочтёт иметь дело с принципиальным и честным социальным партнёром.

В повестях Михаила Тарковского «Не в своей шкуре» и «Что скажет солнышко?» автор сводит лицом к лицу лукавое, эгоистическое – и настоящее, самоотверженное.

В первом сюжете один из братьев-охотников удивительным образом превращается в соборя и уже со стороны наблюдает за событиями, в которых участвуют люди и звери. Ещё вчера искавший для себя всякую выгоду, герой по воле случая становится уязвимым и нуждается в помощи. Круговорот житейской лжи и правды, плохого и хорошего вдруг обращается к нему своей жестокой стороной. Перед угрозой гибели человек-соболь меняется, почти неожиданно в нём возникают первые ростки достоинства и участия – подлинно человеческие, бытийные.

Другая охотничья история рассказывает о молодых собаках, взятых хозяином на первую в их жизни охоту. Один пёс понимает свою роль помощника и друга человека, второй – обманом старается получить лучший кусок еды и доверие охотника, втихари ворует приманки из капканов – и в конце концов погибает. В повести всякое действие даётся в сопоставлении с его антиподом. Стилистически сюжет решён как внутренний монолог верного пса Серого, к которому примыкает большой разговор охотника со зверями – хозяевами тайги. Замечательный поэтический язык, который написаны эти вещи, оказывается тем скрепляющим литературным веществом, которое воедино стягивает красоту природы и гармонию «правильно поставленной» души.

В рассказах Натальи Молодцевой (Воронежская область) мы встречаемся с православным отношением главной героини ко всем людям, возникающим на её пути. Причём нельзя сказать, что в подобном неназываемом внутреннем кодексе пре-

обладает некая церковная «буковка». Напротив, перед нами – то «житейское» православие, которое в давние годы встречалось повсеместно на российских просторах. В нём сравнительно мало приверженности обряду, но доброта и любовь к ближнему и дальнему оказываются центром духовной, а здесь – ещё и душевной жизни человека. Простота и искренность чувств – замечательная и очень редкая по нынешним временам особенность этой прозы. В ней есть что-то от представлений ребёнка о светлом и тёмном, о том, чего делать нельзя, и о вещах для человека желательных и чистых. Отношения стариков и внуков, детей, родителей, соседей – везде читатель встречает авторскую душу, мягкую и отзывчивую, готовую помочь каждому, кто в этом нуждается. Вот тяга к высокому бытийному идеалу, на котором как будто одежды бесхитростно скроены по земной мерке – однако все шаги, слова и движения обычной русской женщины полны красоты и достоинства.

Истории Молодцевой в изобразительном отношении мимолётны, но психологическое пространство у неё предстаёт ярким и просторным, насыщенным внутренним монологом автора. Все мотивации героев становятся понятными и прозрачными, а их нравственный выбор – естественным.

Рассказ «Неугомонный» Василия Килякова (Подмосковье) отличается богатой фактурностью жанровых картин, отчётливостью характеров и, самое главное – нежданной духовной схваткой, которая берёт своё начало ещё в противостоянии Тараса Бульбы и предавшего родовые заветы его сына.

Нищая, разрушенная российская деревня, ветхий дом, в котором живёт кузнец Данила и его старуха-жена Степанида... Они гордятся сыном Петром, который воевал в Чечне и награждён медалью, но уже давно домой писем не писал. Данила – мужик отзывчивый и по кузнецному делу помогает сельчанам безотказно. Но однажды в деревню приезжает сверкающий джип, а в нём – пропавший сын и его напарник-шофёр. Оба они, как оказалось, в услужении у богатого торгаша, а Пётр – его охранник и поставщик гулящих девок, порой девчоночьего возраста. На войне он в действительности не был, фото с медалью изготовлено с помощью компьютерной программы, а сельская жизнь для него – ничтожна и грязна. Эти подробности «успешный сын» сообщает отцу с

удивительным бесстыдством, а про собственное житьё-бытьё, напитанное мерзостью опустошённой души, говорит с удовольствием и куражом. Данила почти проклинает его, уходя с праздничного застолья в хату, и там страшно – медленно и грозно – крестится на коленах перед иконой. Мать же просит гостей улеяться в баньке – от греха подальше...

Подобный острый конфликт поколений в круге одной семьи в наше время, наверное, выписан в литературе впервые. Система современных отрицательных ценностей не церемонится с прошлым, вчерашние честность и чувство нравственного долга легко предаются осмеянию, а порой и уничтожению. Но такое царство своекорыстия и пошлости построено на песке, оно не может укрепиться и стать самодостаточным. Эта мысль не формулируется автором буквально, но присутствует во всех картинах рассказа Килякова, по эмоциональному напряжению напоминающего раннюю прозу Шолохова. Нашла коса на камень – и только мать выбирает свой вечный милосердный удел: любовь к сыну, пусть и падашему...

Рассказ Виктора Подъельных (Архангельская область) «В поезде» невелик по объёму, в нём нет значительных событий – но, как в «малой прозе» Бунина, постепенно приоткрывается картина, которая перевернёт представление героя о жизни.

Назойливый шум не даёт пассажиру уснуть, а с верхней плацкартной полки видна только неясная тень, скользящая с каким-то шепелестом по вагонному проходу. Выйдя в тамбур, он видит человека на култых, привязанных к странной тележке. Тот улыбочкой просит перенести его пакеты с багажом на платформу, поскольку поезд стоит только две минуты. Словно ребёнка, герой легко берёт на руки человека в тележке и спускает на землю вместе с грузом. Вокруг – ни станции, ни фонарей, никаких следов привычной жизни. «– Да ты не переживай, я здесь все тропинки знаю! – он подмигнул и внезапно пропал в темноте. И откуда-то издалека донёсся до меня его зычный голос: – Жену тебе хорошую, братишка!

Поезд шёл дальше. А у меня всё не выходил из головы этот человек, мы даже познакомимся толком не успели. Но что-то успели. Самое важное успели. И я подумал тогда, что пока есть такие люди, как он, нам ничего не страшно. Ни война, ни землетрясение. Ничего. Пока есть настоящие люди».

Когда я собрался писать рецензию на книгу стихотворений прозаика Михаила Попова «Праздновость», то из естественной экономии сил поинтересовалась, что о его стихах пишут в интернете. Немного, но есть несколько важных моментов. Начинал Михаил Попов именно как сочинитель стихов, закончил поэтический семинар в Литинституте, первые публикации – поэтические. И вроде бы его даже похваливали, а некоторые и очень, но как-то так вышло, что поэтическая эта подка то ли затонула, то ли сбилась с большого маршрута, и на настоящий день мы имеем дело исключительно с прозаиком Михаилом Поповым. Сложилась уже определенная репутация и стихи ей уже и не идут.

Но с некоторых пор снова пишуща. Видимо в неаплом количестве, раз хватило на книгу. И отзывы на этого нового Попова-поэта немногочисленные (понятно, к этому «явлению» публика еще не привыкла) и чаще удивленные, чем хвалебные. Вот, например: «Эти стихи представляют собой странную смесь престарелого Лермонтова и Козьмы Прутова».

Ну, уж прямо и Лермонтова, пусть и «престариваясь», заверстывает строки, мотиты старших собратьев по перу, разбрасывается скрытыми отсылками, берет на время чужую манеру, когда ему это необходимо для решения конкретной задачи.

Вот «Повесть о настоящем молдаванине», тут и черный юмор в названии, и почти лобовая публицистика в основной части текста, и «улица, фонарь, аптека» – блоковские слова, совсем не на блоковский работе.

«И с этой картиной убоого, над нею для вида смеясь, я чувствую самую строгую, наверное, смертную связь», это некий ответ Николаю Рубцову, на его «смертную связь» с картиной погибающей русской деревни. Поэтическая драма родства сиротства возможна и в краю железобетонных коробок, такого, видимо, мысль автора.

А к Блоку Михаил Попов в высшей степени почтителен. «Блок в Пакистане» хорошо это демонстрирует. Поэт с Маврикия – лирический герой текста – читает «Девушка пела в церковном хоре», и ему почтительно внимают «казахи, болгары, Расул

Ирина БАЙРАК
Изобретатель Попов
О книге стихов «Праздновость»

релого», азартно подумала я и открыла книжку. И сразу наткнулась на стихотворение:

*Ни одной вороны в этой кроне,
Выкурные веток чертешки,
Лист один и тот как посторонний,
Вырощий над пропастью по ржи.*

*Выхожу я взыдаю на дорогу,
Там никто, никто не внимлет Богу!*

*Я сижу и пальцем безымянным
Вкрадчиво почесываю грудь,
Постепенно напиваюсь пьяным,
А потом вообще готов заснуть.*

И конец отсюда же: *Он (лист) сорвется, вздрогнув напоследок
Чтоб со мною рядом не висеть,
Темных, черных и беззвучных веток
Надо мной склоняться будет сеть.* Чем вам не престарелый, погибающий от алкоголизма в одиночестве на подмосковном дачном участке Михаил Юрьевич? Стихи, конечно, не духовподъемные, но бывают ли по-настоящему хорошие стихи, заливающие сердце читательское радостью беззаботного существования?

Вообще, если почитать внимательно, то обязательно придется сделать вывод, что Михаил Попов должен быть определен как автор литературный, но не книжный, что было бы уже обвинением. В текст своих стихотворений, он, и не очень-то

ниматься и подниматься от настоящей литературы. Нет, Палама и Сократ останутся там, где и заслуживают быть, но поэту своими босыми ногами нужно идти до настоящих строк.

*Ангелы летят в крылатых платьях,
Эта боль, она конечно весть,
Я готов пропасть в Твоих объятьях,
Я готов, но кажется, не вес!*

Впрочем, видимо догадываясь о некоторой своей перекоримленности хорошими книгами, Михаил Попов сам работает на снижение, ставя ученость под знак иронического взгляда:

*За что, за что я так свободен,
ведь до скончания лет и дней,
я буду одинок, как Один,
а может быть, еще одной.*

А как там с Козьмой Прутковым? Я поискала, не так чтобы впрямую, но есть: отблеск этой интонации и в «Любите прозу рифмоплеты», и стихотворении о божме, укравшем планшетник и переживающем радость освоения нового мира, а особенно в стихотворении «Физру», по-моему, самом совершенном и по замыслу и по исполнению в этой книге. Все-таки надо суметь посмеяться над инвалидом, но так, чтобы он вышел из-под этого иронического огня победителем.

Один мой знакомый, с которым у меня зашел мелком разговор о стихах Михаила Попова бросил одну фразу: «у него каждое стихотворение как изобретение». Вот, может быть, этим и надо закончить – два внутренние или внешне похожие текста в этой книжке найти трудно.

Олег ПУГАЧЁВ «Зачем он руку дал клеветникам ничтожным...» Защита культурного достояния

Цитата из лермонтовского стихотворения «Смерть поэта» оказалась в качестве заголовка данной заметки не случайно. Вот причина: гений как бы протигивает нам руку через столетия, указывает и путь, по которому человечество движется, развивая свои духовные

и материальные силы, становясь все более человечным, гуманным, нацеленным на приращение добра...

Но ответная реакция на подвиг гения бывает отнюдь не адекватной и вместо благодарности его стремятся оскорбить и унижить. Только в данном ключе можно воспринять появившуюся в «Медицинской газете» (№ 30 от 4 августа 2021 г.) статью Игоря Якушева – психиатра, доцента Северного государственного медицинского университета (Архангельск). Вот что мог бы узнать о себе его невольный «пациент» – Михаил Юрьевич Лермонтов, вот как видится через двести с лишним лет облик великого поэта одному из его «благодарных потомков» – вроде как ученому и врачу: низкорослый, кривоногий; несоразмерно большая голова (она еще «насажена» (!) на туловище – короткое и широкое. Волосы – редкие, они не могут скрыть «ни пузатого (!) гидроцефалического лысеющего лба, ни начинающей просвечивать, несмотря на молодость, проплешины на затылке» (как только доцент разглядел его затылок!).

Уже после первых характеристик психиатр сделал глубокий вывод – «некрасивый человек». Но этого мало: призывается на подмогу авторитет Ломброзо, который «без труда обнаружил бы печать дегенерации» в облике Лермонтова, который (облик) неутомимый российский интеллигент неустойчиво дополняет все новыми «животными чертами»: несурьазный вид, сутулый, скуластый, «короткое лицо», узкий подбородок, узкие реденькие, кожа лица мало того что желтая, она еще и угрелая. Ах, вам мало? Ну вот, еще: тяжелый, угрюмый взгляд исподлобья... «Хватит, хватит уже... – предположим, запротестовал бы «невольный пациент» Лермонтов. – Вы уж совсем меня уничтожили. Ведь я сам о себе сказал, что обладаю вполне обыкновенной армейской наружностью». Нет, не тут-то было, не унимается доктор, отмечая на контрасте, что это ничтожество (по внешности определил его рост в точности как 1 м 58 см (?)) («зловонный коротышка») знало о своей гениальности, ибо Лермонтов каким-то образом «в небесах уже увидел Бога». Но, думается, достаточно указаний на то, что перед нами очередное «желтое» изделие, слегка припудренное налетом псевдонаучности...

Нелегко это дело: сражаться с явной грязью и клеветой, ощущая, что вынужденно как бы пропагандируешь её, воспроизводя бредовые идеи, выдаваемые за «факты». Не найдя, а, видно, и не думая находить что-либо позитивное в личности поэта, новоиспеченный «диагност» принимает за его мать, Марию Михайловну. Что тут сказать... Пересказывать клеветнические «перлы», от которых не может защититься молодая женщина, сведенная в могилу чахоткой в возрасте 21 года, честно говоря – дело стыдное. А сын помнил её песню и беззаветно любил и мать, и отца, и бабушку. Но доцент и психиатр, вообще говоря, не останавливается ни перед чем! Полно, да он ли один! Сколько окололитературных гадостей прозвучало по адресу великого русского поэта в его предъюбилейные и юбилейные дни. Разве их все разберешь? Нужно целую антифейковую кампанию проводить для защиты доброго имени поэта и его родственников и близких.

На этом вот «произведении» доцента Якушева лежит тень знаменитых статей о поэте, авторами которых являлись Владимир Соловьев и Дмитрий Мережковский. Это он, Мережковский, поэтически сравнил Лермонтова с ночным светилом. Но ведь он не допустил такого оскорбления, как у психиатра: «Луна русской поэзии». И это-то по отношению к человеку военному. Будь Лермонтов жив, а доцент был дворняжником – дуэли не миновать, и вовсе не «водевишной». Жаль почтенную «Медицинскую газету», что она так неразборчиво отнеслась к тексту, оскорбляющему русскую культуру и её великого представителя. Надо бы редакции принести извинения за публикацию пaskвильа. Но, – могут нас спросить, – разве не было у Лермонтова отрицательных черт? Да, были, конечно: он же человек, не ангел, не демон. Но для чего же

*Пусть на месяц, край смиренный,
Мы расстанемся в тоске,
Не могу я с рыжей Сеной
Изменить своей Оке!*

В стихотворении «Осеннее утро» – та же тема и строки, продиктованные не только минутным по-рывом, но глубинным чувством любви к Родине:

*Где-то колокол вздрогнул и замер опять.
И, восторгу душевному внемля,
Я хочу целовать, целовать, целовать
Эту впазную крохотку землю!*

Ведь именно здесь, на этой «крохоткой земле», «росла и причащалась светом родины душа». В другом стихотворении читаем:

*Ничего, ничего... Это даже не ново,
Что Россия, как остров,*

*уходит опять из-под ног,
Что под сдулом лежит*

*вековое русское слово,
И родную страну золотой охмуряет божок.*

Развивая тему, в 2014 году в стихотворении «Россия – это мы», он написал:

*Травинкой быть её – награда.
Чужих не надо стран окрест...
Россия – боль, восторг, отрада,
Россия – кровь, Россия – крест.*

Таким образом, русский путь видится поэту не только величественным и героическим, и по полным боли, крови, трагедий, общенационального горя; он не закрывает глаза на народные беды, что случалась на протяжении многовековой истории Руси-России, не становится в позу пафосного пророка, он просто чувствует себя крохотной частицей Родины. И поистине судьбоносным выводом звучат сказанные о самом себе слова в стихотворении «Доля»:

*Я от судьбы не убею,
Я русским родился –
Красиво умереть могу,
А жить не научился.*

Да, ведь именно так о себе самом в нашей стране может сказать почти каждый, кто чувствует в себе русскую душу. И между прочим, это относится не только к собственно русским людям. Русским может быть человек любой национальности, если он несёт в своей душе свет.

Нельзя не сказать об исторических мотивах в творчестве Александра Ананичева, что само по себе становится отдельной темой. Они звучат в стихотворениях «Патриарх Никон», «Карфаген», «Понтифик», «Крестоносец», «Жанна д'Арк» и других. Но эта тема заслуживает отдельного разговора, здесь же она упомянута, чтобы наметить вектор для дальнейших исследований. Иногда исторические коллизии связаны с русской историей и собственно русской темой, которую даже нельзя назвать магистральной в творчестве Александра Ананичева, она просто органично «живёт» на его страницах и раскрывается им даже тогда, когда этого не ожидаешь. Просто русскость – это его естество, данность, природная суть. Как он верно заметил:

*И в раю приснится, в Царствии Небесном
Русская дорога в поле золотом.*

а.Рязань

гипертрофировать негативное до такой степени, что признание гениальности или таланта выглядит весьма фальшиво.

Хочется спросить: что вообще сделала семья Лермонтовых современному психиатру, чтобы так её ненавидеть и преследовать через две сотни лет? Но доктор, обладающий к тому же учеными регалиями, идет мимо этого вопроса. Зачем ему останавливаться на лермонтовской воинской доблести; на уважении поэта к противнику – горцам, на его гуманизме... Все это и многие другие позитивные черты лермонтовской личности накрывает свинцовая, неприподъемная плита в виде диагноза: Лермонтов – «социопат». Вот вам и «модный приговор». Что же это такое, разъясняется для несведущих: «Наиболее яркими проявлениями социопатии являются бессердечное равнодушие к чувствам других; грубая и стойкая безответственность и пренебрежение социальными догмами [sic! – О.С.] и обязанностями, неспособность поддерживать длительные и гармоничные отношения» и т.д. и т.п. Ну и вывод близёхонек: не будь Лермонтов «диссоциален», не изводил бы «красивого офицера» шутками – и не погиб бы, а поскольку всё наоборот – то вот и гибель, и молнии во время поединка. Всё это весьма напоминает словесную статью, но без ссылок на неё. И Мережковский тоже звучит «за кадром»: есть гении – солнце, а есть – луна. Ясно, куда Лермонтова нужно отнести...

Ну что же, можно поздравить доцента с очередным успехом его диагностического таланта или гения. Нам теперь ясно, что – создал бессмертное «Бородино», в котором поэт языком своего народа возродил идею национального самосознания; защищая Пушкина от клеветы «молвы»; создавая «Думу», где строгий суд потомства над целым поколением выступает как социальный критерий исторической, творческой и нравственной состоятельности этого поколения... – через настоящее служение Отечеству можно «заработать» диагноз социопата от «благодарного» потомка!

Кроме оскорбления личности ушедших (и давно!) из этого мира людей есть и «довесок», оскорбляющий всю русскую литературу и культуру в целом. Ведь нужно же не читать вообще Лермонтова или читать его в этой отнюдь не человеколюбивой оптике. Чего доби-вался тут лечащий врач с его диагнозом? Истины? Отнюдь! Она предзадана при описании «некрасивого человека».

И если Владимир Соловьев в своей знаменитой публичной лекции «Лермонтов» обличал поэта в демонизме и видел в нём предшественника Ницше и ницшеанства как направления, то он всё же задавался высокой нравственной целью: облегчить его бремя как представителя поколения «отцов», полагал уменьшить «хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе» [Соловьев В.С. Лермонтов / Соловьев В.С. Литературная критика / М.: Современник, 1990. – С. 291]. Соловьев подчеркивал, обращаясь к публике: «Вы мне поверите, что прежде чем говорить публично о Лермонтове, я подумал, чего требует от меня любовь к умершему...». И эта любовь выразилась в том, чтобы судить о личности и творчестве поэта с позиции «вечной правды».

Ну а наш психиатр, вопреки призыванию медицины помогать людям, делает нечто совершенно противоположное, а именно – ложное. Жаль его студентов, которые «обогашаются» в культурном отношении, усваивая подобные диагностические описания, а возможно и упражняются на подобных примерах... Жаль и нашу культуру: кто же будет её защищать, если проходить мимо псевдонаучных (псевдомедицинских) ухищрений, острие которых направлено против личности её создателей. Кто отстоит право отошедших в мир иной на доброе имя? Конечно, можно усилить цензуру, но это не выход из создавшейся ситуации: необходимо системно перестроить наше воспитание, чтобы уважение к национальному культурному достоянию стало нормой для каждого россиянина. Тогда из уст экскурсовода, зарвавшегося в своём критическом энтузиазме, мы не услышим о великом поэте таких презрительных определений: «этот офицершишка», «самонадеянный господин» и т.п. А музей-то живет и, извините, кормится, за счет великого имени. Где же наша национальная совесть, уважение как самоуважение? Как же другим уважать тех, кто сами себя «любят до обеды»? Обидно? Да! Так давайте же защищать наше культурное достояние, поскольку с потерей его и от нас ничего не останется.

а.Пенза